

Московская Епархия, Богородское благочиние,
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Погинска

Тихвинский листок №7

13 Февраля 2022 года

НЕДЕЛЯ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Путь к Небу только один: «Боже! Милостив буди мне, грешному». И, кажется, что проще этой молитвы?! Что легче биения себя в грудь?!

Мы как-то привыкли думать о себе, что мы-то не фарисеи. Мы искренние, кающиеся, опустившие вниз глаза, бьющие себя в грудь мытари. Но это далеко не так. До состояния мытаря нам еще очень и очень далеко. Мытарь — это совершенство! И сегодняшняя евангельская притча, такая до боли знакомая — это некий очень важный критерий, пробный камень, лакмусовая бумажка нашей духовной жизни.

Две молитвы. Два устройства души. Два разных мирозерцания...

Самомнение фарисея настолько велико, что на самом деле ему и не нужен Бог. Евангелист подчеркивает, что фарисей молится сам в себе. То есть его молитва — это не беседа и общение с Богом. Это апофеоз самовлюбленности! Это поклонение идолу своего «Я». Кроме него нет нормальных людей: одни грабители, обидчики, прелюбодеи, воры, пьяницы, наркоманы. И он благодарит Бога, что он-то — не таков! А если прибавить еще, что он постится два раза в неделю и отдает десятую часть доходов — то портрет «святого» готов.

Трагедия этого человека состоит в том, что он слишком занят собой. Он хвалится лицом, а не сердцем, как говорит апостол Павел. Фарисей даже на секунду не способен понять, что он в очах Божиих со своей мнимой праведностью более отвратителен, чем все эти алкаши, бомжи, попрошайки. Он обезопасил себя внешней благочестивой скорлупой — ритуалами, предписаниями, формальными добродетелями. Он хочет откупиться от Бога своей праздничной свечкой; рублем, брезгливо брошенным в кепку нищего. Знанием типикона, умением вставить в разговор мудрое словечко из умных книг. Но все это не работает, если нет — «*Боже, милостив буди мне грешному*». Если все люди для тебя так — тени, игрушки, винтики, инструменты. Если ты обращаешься к Богу с декларацией своих «добродетелей». Если ты побронзовел от своих духовных успехов. Преподобный Исаак Сирий говорит, что «когда человек возлюбит гордыню, не знает уже сокрушения».

А мытарь стоит в темном углу храма, стоит, осиянный Божественным Светом! Ему нечем хвалиться. Он не подсчитывает свои добродетели, потому, что искренно считает, что их просто нет. И он пойдет домой более оправданным, чем фарисей. Потому что Сам Господь говорит: «*Всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится*» «*Яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*» (Лк. 18.14)

Два пути. Два взгляда на жизнь. Два мировоззрения...

И все мы живем в этом диапазоне — между надменностью и кротостью, между гордостью и смирением, между фарисеем и мытарем. Что победит? Что пересилит? Куда склонится душа — «*яко несмъ якоже прочий чловець*» или «*Боже, милостив буди мне, грешнику*»?

Преподобный Ефрем Сирий говорит, что «покаяние есть зеркало, поэтому лукавый не оставляет его в нас, чтобы не увидели мы в нем себя и не смыли своих нечистот». Дьявол всячески пытается разбить в нашей душе это спасительное зеркало покаяния. Чтобы вместо слез, вместо оплакивания наших бесчисленных прегрешений, мы носились как с писаной торбой со своим «Я», со своей особенностью, со своей самосвятостью!

Покаяние не относится к какому-то определенному времени нашей жизни, мол, «это когда-то я воровал, блудил, обманывал, ходил в ночные клубы, а теперь всё по-другому, теперь я уже не такой страшный, не такой ужасный... Я, конечно не Антоний Великий или Иоанн Кронштадтский, но в целом живу неплохо, можно сказать — благочестиво. Это там вот они —

колются, пьют, нюхают, курят... А я и ладаном кажу в комнате или келье, и акафисты читаю и посты все неукоснительно соблюдаю...»

Покаяние — это не порыв, это не успокоенность на том, что вместо концертов и рынков ты стал в воскресный день ходить в храм. Покаяние должно стать состоянием нашего сердца, деланием всей жизни, до гроба, до последнего вздоха, до исхода души! Замечательно говорит старец Софроний: «Надо удержаться в молитве и покаянии от одного сознания, что в нас еще живет смерть и искать, как победить эту смерть». Мы должны победить эту смерть, которая гнездится в тайниках сердца, эту фарисейскую мораль, эту бесовскую успокоенность. Как говорит геронда Емельян: «разувериться в своей праведности». А старец Иосиф-исихаст призывает перестать «ободрять самих себя»!

Мы живем в бесконечно меняющемся мире. Мир не торопится навстречу к Богу. Он уже даже не прикрывает свою срамоту. Две вещи, два направления, два позыва стали основными мотивами поведения современного человека — жажда наслаждений и лихорадочное стремление избежать страданий и скорбей. Но человек впадет в страшную ошибку, в глубочайшее заблуждение, если начнет думать, что жизнь возможна без боли, без скорби, без тесноты, без страданий; что жизнь возможна без веры, без любви, без покаяния... Боль застанет его врасплох, если человек будет ожидать от жизни сплошного, яркого, непрекращающегося праздника, если он будет желать всю жизнь купаться в шоколаде.

Покаяние — это не несколько торопливых минут у аналоя. Покаяние — это состояние нашего сердца, это благоухание души перед вратами рая, как говорят святые отцы. А пространство нашей молитвы — это не только пространство храма или кельи, где пахнет благоуханным ладаном и где на нас смотрят с икон лики святых. Пространством нашей молитвы должна стать вся наша жизнь, где пахнет потом, слезами и кровью. Где на нас ежедневно смотрят тысячи усталых от жизни, измученных, вопрошающих человеческих глаз. Где вместо желанной любви и ласки нас зачастую окружает непонимание и злоба...

Отец Павел Флоренский говорит, что «вера — художница спасения и дело ее спасти. От чего же спасает нас вера? Она спасает нас от нас самих — спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса».

Без благодати Божией, без покаяния наш внутренний хаос просто раздавит нас! И, если вместо плача, вместо — *Боже, милостив буди мне, грешному*, — мы будем подсчитывать свои дутые добродетели: прочитал, не съел, пожертвовал, помолился, то мы не преуспеем, мы не выйдем оправданными из храма, мы будем молиться сами в себе. Если мы захлебнемся своей праведностью и потеряем сочувствие, уважение, почтение к человеку — то тогда напрасны наши бороды, платки, посты и молитвы. Если мы не увидим своей гордыни, эгоизма, надменности, фальши — то Небо не откроется нам!

Фарисей опьянен вином самолюбия. Ему не нужен никто. И Бог не принимает его молитвы. Мытарь каждый день видит множество людей перед собой, и понимает искренне, что он — самый падший из всех. Он ни от кого не отворачивается. И Бог не отворачивается от него...

Игумен Тихон (Борисов)

21 февраля 2016 г.

Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года

(2 Тим. 3, 10-15; Лк. 18, 10-14). Вчера учило нас Евангелие неотступности в молитве, а ныне учит смирению или чувству несправности на услышание. Не присваивай себе права на услышание, но приступай к молитве, как никакого внимания недостойный, и дающий себе дерзновение отверзть уста и вознести молитву к Богу по одному безпредельному к нам бедным снисхождению Господа. И на мысль да не приходит тебе: я то и то сделал; подай же мне то-то. Все, что бы ты ни делал, почитай должным; ты должен был все то сделать. Если бы не сделал, подвергся бы наказанию, а что сделал, тут не за что награждать, ничего особенного не явил ты. Вон фарисей перечислил свои права на услышание, и вышел из церкви ни с чем. Худо не то, что он так делал, как говорил; так и следовало ему поступать, а худо то, что он выставил то, как особенное нечто, тогда как сделавши то и думать о том не следовало. - Избави нас, Господи, от этого фарисейского греха! Словами редко кто так говорит, но в чувстве сердца редко кто не бывает таким. Ибо отчего плохо молятся? Оттого, что чувствуют себя и без того в порядке находящимся перед Богом.